

2. *Довнар-Запольский М. В.* Очерки семейственного права крестьян Минской губернии. М. : Типо-литогр. К. Ф. Александрова, 1897. 78 с.
3. *Довнар-Запольский М. В.* Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. Минск : Изд. Госплана БССР, 1926. 239 с.
4. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России: курс нар. ун-та. 2-е, доп. изд. [М.] : Моск. науч. изд-во, 1918. 268 с.
5. *Киркор А. К.* Литовское Полесье // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении [в 12 т.] / под ред. П. П. Семенова. СПб. ; М., 1882. Т. 3, ч. 1. С. 3–218.
6. *Панютіч В. П.* Соціально-экономічне розвиток беларускай вёснкі в 1861–1900 гг. ; Акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі; науч. ред. П. Г. Козловскі. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 375 с.
7. *Саўка Каваль. С.* Хоміно // Наша Ніва: першая беларус. газ. з рыс. Факс. выд. [Мінск, 2003]. Вып. 4: 1911. С. 558–559.
8. *Сербов И. А.* Белорусы-сакуны: крат. этногр. очерк. Петроград : Тип. Императ. Акад. наук, 1915. [2], II, XVII. 180 с.
9. Сям'я і сямейны быт беларусаў / В. К. Бандарчык [і інш.]; Акад. Навук Беларусі. ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 256 с.
10. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: [в 58 т.]. СПб. : Тип. И. Гольдберга, 1903–1904. Т. 21: Минская губерния. VIII. 435 с.

Ковяко И. И.

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (г. Минск, Республика Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ К АНАЛИЗУ НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ В. БРАНДТА

Память об историческом прошлом Германии, укрепление позиций ФРГ в интеграционных структурах Запада, изменения в международной политике великих держав в 1960–1980-х гг. – все это способствовало актуализации германского вопроса в новом измерении и неразрывно связывало анализ новой восточной политики канцлера Вилли Брандта с изучением германской проблемы в целом. Начиная со второй половины 1960-х гг. в Великобритании и США появилось значительное количество публикаций, посвященных исследованию новой восточной политики и ее последствий для западного мира. Формирование основных подходов к изучению проблемы согласовывалось с изменениями формы гер-

манского вопроса, а также германской политики США и Великобритании. На протяжении 1960–2000-х гг. произошло неоднократное смещение акцентов в работах историков, которые занимались изучением и анализом новой восточной политики.

Реализация ФРГ нового курса в отношении стран Центральной и Восточной Европы в середине – второй половине 1960-х гг. вызвала неоднозначную реакцию в общественно-политических и научных кругах США и Великобритании. В процессе изучения данной проблемы исследователи придерживались, главным образом, двух подходов – консервативного (школа «сдерживания») и рационалистического¹. В работах авторов консервативного направления содержались критические оценки новой восточной политики, выражались опасения в связи с возможной «финляндизацией» или «самофинляндизацией» Западной Германии. Авторы прогнозировали ослабление связей ФРГ с Западом, выработку автономной германской политики в отношении СССР и социалистических стран Европы, возврат Бонна к прежней печально известной геополитической тактике «маятника» – лавирования между Востоком и Западом с целью достижения узконациональных целей. Так, профессор Льюис Эдингер (Колумбийский университет, США) с тревогой отмечал возрастание экономической и политической активности ФРГ в восточном направлении и одновременное ослабление зависимости Западной Германии от США в военной сфере. Автор прогнозировал переход от биполярности к многополярности, усиление влияния ФРГ в Центральной и Восточной Европе и возможное возрождение националистических идей в среде молодого поколения немецких граждан. В таком случае политика «маленьких шагов» в восточном направлении, по мнению исследователя, в будущем могла смениться политикой больших и уверенных шагов [5, с. 339–341]. Непредсказуемый и потенциально опасный характер мероприятий правительства ФРГ в восточном направлении отмечал исследователь Уильям Джонс в статье «Германия: перспективы националистического возрождения» (1970) [9, с. 318]. Заявления В. Брандта о преданности НАТО и ЕЭС оказались недостаточно убедительными сотруднику Университета Лафборо (Великобри-

¹Подробнее о формировании консервативной и рационалистической традиции в англо-американской историографии германского вопроса см. Gimbel J. *The American occupation of Germany. Politics and the military, 1945–1949*. Stanford: Stanford University Press, 1968. 335 p. ; Lewkowicz N. *The German question and the international order, 1943–1948*. London: Palgrave Macmillan, 2010. 253 p.

тания) Джеффри Робертсу, который выражал тревогу в связи с ослаблением роли НАТО в Европе и одновременным усилением позиций ФРГ. По мнению автора, Западная Германия, воспользовавшись тяжелой ситуацией, с которой столкнулись США в Азии, была способна выработать собственный независимый курс в европейской политике [16, с. 180–181].

Другая группа исследователей, представлявших рационалистическое направление, считала подобные опасения несостоятельными. С их точки зрения, подписание Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину и Договора об основах отношений между ФРГ и ГДР не причинили ни малейшего беспокойства США. Эти договоренности свидетельствовали о принятии ФРГ тех реалий, которые США де-факто уже давно признали. Авторы упрекали представителей консервативного направления в недостаточном учете проблем советского блока и недооценке мощи США. По их мнению, новый курс скорее будет содействовать «финляндизации» Польши и Чехословакии, ослаблению их зависимости от Москвы и дезинтеграции социалистического блока [4, с. 488; 13, с. 240; 20, с. 212–215].

В середине 1970-х гг. в связи с успешной ратификацией восточных договоров и запуском механизма подготовки СБСЕ произошло смещение акцентов на позитивное восприятие новой восточной политики как ключевого компонента международной разрядки. Британский историк-германист, сотрудник Брэдфордского университета Джон Соуден в работе «Германский вопрос 1945–1973» (1975) подчеркнул положительный характер договоров 1970–1972 гг. для западного мира. Особенно высокая оценка была дана Четырехстороннему соглашению 1971 г., которое свидетельствовало об открытом характере германского вопроса и подтверждало права тройки западных держав в Берлине [18, с. 340]. Сотрудник Университета Питтсбурга Пол Хэммонд также выразил уверенность в том, что политика В. Брандта не несла угрозы целостности НАТО. С точки зрения автора, новый курс ФРГ продемонстрировал, что немцы, преследуя свои национальные цели в рамках блока, могут успешно работать на общее благо всех его членов [7, с. 289].

Во второй половине 1970-х – 1980-е гг. анализ сущности и результатов новой восточной политики в англо-американской историографии претерпел определенные изменения. С одной стороны, в рамках рационалистического направления сохранилась тенденция к положительной оценке мероприятий В. Брандта. В целом в работах представителей данного направления результаты новой восточной политики ФРГ рас-

ценивались как успех западногерманской дипломатии, который способствовал укреплению позиций стран Запада на международной арене и реализации их совместных задач. Подобные выводы содержатся в работах Вольфрама Ханридера, Роджера Моргана, Клея Клеменса [3, с. 239; 8, с. 20; 12, с. 31].

С другой стороны, в данный период наблюдалось заметное укрепление консервативного направления. Ослабление зависимости ФРГ от США и стабилизация режима ГДР воспринимались как неблагоприятные последствия новой восточной политики, которые могут таить значительный потенциал проблем для западного блока государств. В 1980-е гг. ФРГ неохотно воспринимала идеи увеличения и модернизации вооружений НАТО в Европе, поскольку подобные мероприятия неизбежно вели к ухудшению отношений с СССР и осложнению межгерманского диалога. Отдельные британские и американские исследователи пришли к заключению, что новая восточная политика привела к возникновению глубоких противоречий внутри НАТО, автономизации внешнеполитической деятельности ФРГ и усилению роли немецкого национального фактора при выработке и принятии решений НАТО. Примером могут служить публикации Анджелы Стент (Джорджтаунский университет, США) и Эдвины Моретон (Университет Аберистуит, Великобритания) [11, с. 11–12; 19, с. 154].

После падения Берлинской стены и объединения Германии в работах историков Великобритании и США окончательно утвердились положительные оценки внешнеполитического курса В. Брандта. Публикации 1990-х – 2000-х гг. больше не содержат критики и пессимистичных прогнозов. Исследователи констатируют, что при проведении новой восточной политики ФРГ оставалась надежным союзником стран Запада, курс на развитие отношений с государствами социалистического блока не имел ничего общего с национализмом и поведенческой тактикой «маятника». Новая восточная политика была изначально основана на базовых принципах курса К. Аденауэра – приоритет западной интеграции над объединением Германии [2, с. 61, 82, 92; 14, с. 148; 15, с. 10–11; 17, с. 217, 223, 257]. Историки Мэри Фулбрук (Университетский колледж Лондона), Тони Армстронг (Уэсли колледж, Делавер), Тони Джадт (Нью-Йоркский университет) отмечают, что благодаря новой восточной политике В. Брандта в Центральной и Восточной Европе были приведены в действие внутренние механизмы, которые сделали возможными «бархатные» революции и способствовали объединению Германии [1, с. 11; 6, с. 81; 10, с. 573]. Таким образом, авторы сходятся во мнении,

что новая восточная политика не только не несла в себе угрозы единству западного мира, но также способствовала расширению сферы его влияния в восточном направлении. Незначительная критика новой восточной политики сохраняется в работах отдельных авторов консервативного направления, которые отмечают, что без долгосрочной экономической и политической поддержки со стороны ФРГ, режим ГДР прекратил бы свое существование гораздо раньше.

В заключение следует отметить, что изучение проблемы новой восточной политики ФРГ в англо-американской историографии, развиваясь в рамках двух основных течений (консервативного и рационалистического), прошло три основных этапа. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. в работах британских и американских историков особенно отчетливо прослеживаются опасения в связи с нарастанием независимости ФРГ во внешней политике, выражается тревога по поводу ее возможного выхода из западных структур и превращения в нейтральное государство. После подписания восточных договоров и Заключительного акта СБСЕ в 1975 г. эти опасения постепенно уходят из работ британских и американских историков. Однако в 1980-е гг. в связи с актуализацией германской проблемы, возникновением разногласий в НАТО и нарастающей экономической и политической мощью ФРГ подходы к анализу новой восточной политики снова претерпели изменения. Главными угрозами, которые могли быть созданы в ходе новаторского курса В. Брандта, британские и американские исследователи называли стабилизацию, экономическое и политическое укрепление режима ГДР, а также возможный рост националистических настроений в ФРГ и рост ее влияния на политику блока НАТО. После объединения Германии абсолютное большинство авторов отмечают изначальную безопасность и стратегический успех новой восточной политики, которая способствовала не только разрешению германского вопроса, но также дезинтеграции блока социалистических государств и бескровной демократизации стран Центральной и Восточной Европы. В результате это привело к заметному усилению позиций стран Запада как в региональном (европейском), так и глобальном масштабе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Armstrong T.* Breaking the ice: rapprochement between East and West Germany, the United States and China, and Israel and Egypt. Washington: United States Institute of Peace Press, 1993. 187 p.

2. *Banchoff T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995. Michigan: The University of Michigan, 1999. 230 p.
3. *Clemens C.* Reluctant realists: the CDU/CSU and West German Ostpolitik, 1969–1982. Durham; London : Duke University, 1989. 369 p.
4. *Clemens W. C.* The Soviet world faces West: 1945–1970 // *International Affairs*. 1970. Vol. 46. № 3. P. 475–489.
5. *Edinger J. L.* Politics in Germany. Attitudes and processes. Boston: Little, Brown and Co., 1968. 360 p.
6. *Fulbrook M.* The two Germanies, 1945–1990. Problems of interpretation. London: Macmillan, 1992. 114 p.
7. *Hammond P. Y.* Cold war and détente. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 370 p.
8. *Hanrieder W. F., Graeme P. A.* The foreign policies of West Germany, France and Britain. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1980. 314 p.
9. *Johnes W. T.* Germany: prospects for a nationalist revival // *International Affairs*. 1970. Vol. 46. № 2. P. 316–322.
10. *Judt T.* Postwar. A history of Europe since 1945. New York : Penguin Press, 2005. 967 p.
11. *Moreton E.* The German question in the 1980s // *Germany between East and West* / Ed. by E. Moreton. Cambridge: CambridgeUniversity Press, 1989. p. 3–20.
12. *Morgan R.* 54: West Germany's foreign policy agenda // *The Washington papers*. Vol. VI. London : Sage, 1978. 79 p.
13. *Morgan R.* The United States and West Germany, 1945–1973. A study in Alliance politics. London : Oxford University, 1974. 282 p.
14. *Munro C.* Britain and German Ostpolitik // *Deutschland und Russland in der britischen Kontinentalpolitik seit 1815* / Hsg. von A. M. Birke und H. Wentker. Muenchen; New Providence; London; Paris : Saur, 1994. P. 145–155.
15. *Pittman A.* From Ostpolitik to reunification: West German – Soviet political relations since 1974. N. Y. : Cambridge University Press, 1992. 226 p.
16. *Roberts G.* West German politics. New York : Taplinger Publishing Company, 1972. 206 p.
17. *Smyser W.* From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany. New York : St. Martin's Griffin, 1999. 465 p.
18. *Sowden J. K.* The German question, 1945–1973. Continuity in change. London : Bradford University, 1975. 404 p.
19. *Stent A.* From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980. Cambridge : Cambridge University, 1981. 328 p.
20. *Wolfe J. H.* West Germany's Ostpolitik // *World Affairs*. 1971. Vol. 134. № 3. P. 210–219.